

«МЫ НАЙДЁМ ТЕБЯ ВЕЗДЕ»

**ГЛОБАЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ СЛЕЖКИ В
УЗБЕКИСТАНЕ**

© Amnesty International 2017

За исключением случаев, когда предусмотрено иное, содержание данного документа лицензировано в соответствии с лицензией Creative Commons (с указанием авторства, некоммерческая, без производных, международная 4.0).

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/legalcode>

Дополнительную информацию можно получить на нашем сайте:

www.amnesty.org

Опубликовано впервые в 2017 году

Amnesty International Ltd

Peter Benenson House, 1 Easton Street,

London WC1X 0DW, UK

Индекс EUR 62/5974/2017

Язык оригинала: английский

amnesty.org

Фото на обложке: Фрагмент карты Узбекистана
[sevenMaps7/Shutterstock.com](https://www.shutterstock.com/ru/stock-photo/sevenMaps7)

AMNESTY
INTERNATIONAL

Всемирное движение Amnesty International насчитывает более 7 миллионов человек, борющихся за мир, в котором права человека доступны каждому.

Мы стремимся к тому, чтобы каждый человек мог пользоваться всеми правами, закреплёнными во Всеобщей декларации прав человека и других международных стандартах в области прав человека.

Мы не зависим ни от каких правительств, политической идеологии, экономических интересов или религиозных воззрений и получаем основную часть средств за счёт членских взносов и добровольных пожертвований.

© Amnesty International 2017

За исключением случаев, когда предусмотрено иное, содержание данного документа лицензировано в соответствии с лицензией Creative Commons (с указанием авторства, некоммерческая, без производных, международная 4.0).

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/legalcode>

Дополнительную информацию можно получить на нашем сайте:

www.amnesty.org

Опубликовано впервые в 2017 году

Amnesty International Ltd

Peter Benenson House, 1 Easton Street,

London WC1X 0DW, UK

Индекс EUR 62/5974/2017

Язык оригинала: английский

amnesty.org

Фото на обложке: Фрагмент карты Узбекистана
[sevenMaps7/Shutterstock.comA](https://www.shutterstock.com/ru/stock-photo/sevenMaps7)

AMNESTY
INTERNATIONAL

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ	2
2. КРАТКАЯ СПРАВКА	3
2.1 СОРМ и слежка в Узбекистане	3
2.2 Роль телекоммуникационных компаний	4
2.3 Права человека на территории Узбекистана: атмосфера страха	5
3. ДМИТРИЙ ТИХОНОВ: ВЫНУЖДЕННАЯ ЭМИГРАЦИЯ ИЗ-ЗА ВЗЛОМА ЭЛЕКТРОННОЙ ПОЧТЫ	7
4. НЕ ЗВОНИ ДОМОЙ: ИЗ-ЗА СЛЕЖКИ БЕЖЕНЦЫ НЕ ОБЩАЮТСЯ С РОДНЫМИ	11
«Дилшод»	12
НАДЕЖДА АТАЕВА	13
ГУЛАСАЛ КАМОЛОВА	14
5. UZNEWS.NET: ЖУРНАЛИСТИКА И ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ВО ВЗАИМОСВЯЗАННОМ МИРЕ	15
5.1 Взлом электронной почты в Берлине	16
5.2 Гуласал и Василий: журналисты в Узбекистане оказались в опасности	18
5.3 Вынужденное закрытие Uznews.net	22
6. РЕКОМЕНДАЦИИ	23
6.1 Властям Узбекистана	23
6.2 Правительствам других стран	23
6.3 Телекоммуникационным компаниям	23

1. Краткое содержание

Слежка в Узбекистане способствует дальнейшему ужесточению и без того репрессивных условий, в которых находятся правозащитники, журналисты, политические активисты и другие граждане Узбекистана.

Незаконной слежке в Узбекистане способствуют технические и правовые системы, не позволяющие должным образом отслеживать злоупотребления, противоречащие международным правовым стандартам.

В самом Узбекистане действия хакеров и взломы личных баз данных могут привести к судебному преследованию и вынудить людей бежать из страны. Однако в сегодняшнем взаимосвязанном мире хакерские атаки и слежка, ведущаяся за пределами Узбекистана, может независимо от расстояния оказывать разрушительное влияние на судьбы тех, кто находится внутри страны.

И наоборот – угроза слежки за пределами Узбекистана по-прежнему оказывает давление на тех, кому удалось бежать. Опасаясь слежки, многие беженцы, находящиеся за пределами Узбекистана, боятся контактировать с родными: они боятся, что даже телефонный звонок из-за границы спровоцирует травлю со стороны махаллинских (квартальных) комитетов или преследования силовых ведомств.

Незаконная слежка в Узбекистане разделяет семьи и попирает права на свободу выражения мнений во всём мире, а также мешает людям внутри и за пределами Узбекистана получать информацию.

В настоящем брифинге рассказываются истории семи узбекистанцев, живущих как в Узбекистане, так и в эмиграции, чьи права человека нарушены неправомерной слежкой властей Узбекистана.

2. Краткая справка

2.1 СОПМ и слежка в Узбекистане

В Узбекистане слежка за интернетом и телефонными коммуникациями ведётся повсеместно и очень слабо регулируется.

В 2014 году организация Privacy International выпустила доклад о технических возможностях властей Узбекистана в плане слежки. В документе также описаны несколько случаев слежки и нарушений прав человека, носивших явно политический характер¹.

Слежка в Узбекистане ведётся при помощи системы оперативно-розыскных мероприятий (СОПМ)². СОПМ позволяет властям получать прямой доступ к коммуникациям и связанным с ними данным. Операторы связи обязаны по закону за свои деньги обеспечивать государственным органам доступ к своим сетям через СОПМ³. Поскольку такая слежка осуществляется тайно и непосредственно через СОПМ, операторы связи сами не в курсе того, как часто и зачем государственные органы обращаются к их сетям⁴.

Организация Privacy International также описала использование властями Узбекистана центров наблюдения, которые по состоянию на 2013 год могли отслеживать до 600 пользователей, подключающихся по IP, и тысячи пользователей сетей с коммутацией каналов⁵.

Доступ к интернету на всей территории Узбекистана контролирует государственная компания «Узтелеком», за пользователями интернет-кафе следят, для покупки СИМ-карты требуется предъявить паспорт⁶.

В июле 2015 года произошла утечка внутренних документов итальянской компании Hacking Team, которая продаёт коммерческое шпионское программное обеспечение. Обнаружилось, что Узбекистан при посредничестве другой компании, NICE Systems, приобрёл у Hacking Team программное обеспечение⁷. Купленная система дистанционного управления (СДУ) позволяет

¹ Privacy International, "Private Interests: Monitoring Central Asia" [«Частные интересы: Слежка в Центральной Азии»] <https://www.privacyinternational.org/node/293> (далее "Private Interests").

² Варианты СОПМ применяются в России и многих других странах бывшего СССР. См., например, Amnesty International, «Достаточно осознать, что она есть». Гражданское общество, секретность и слежка в Беларуси», EUR 49/4306/2016, июль 2016 г., <https://amnesty.org.ru/pdf/eur4943062016ru.pdf>

³ Закон Республики Узбекистан «О телекоммуникациях», ст. 18, http://www.lex.uz/Pages/GetAct.aspx?lact_id=33152; постановление президента Республики Узбекистан № ПП-513 «О мерах по повышению эффективности организации оперативно-розыскных мероприятий на сетях телекоммуникаций Республики Узбекистан», <http://ict.gov.uz/files/o%20povishenii%20effektivnosti.doc>

⁴ См., например, отчёт компании Teliasonera о взаимодействии с правоохранительными органами за январь–июнь 2016 года, https://www.teliacompany.com/globalassets/telia-company/documents/about-telia-company/ledr_oct2016_final.pdf, с. 17: «Когда государственные органы осуществляют прямой доступ, то есть обрабатывают сигналы (собирают данные путём анализа коммуникационных сигналов) или осуществляют доступ в реальном времени без запроса (через технические системы для более обширного наблюдения за коммуникациями), компания Telia не имеет никакого представления о масштабах слежки и не может предоставить никакой статистики». Компания Telia публично протестовала против подобных систем прямого доступа: <https://www.freedomonlinecoalition.com/how-we-work/working-groups/working-group-2/direct-access-systems/>.

⁵ "Private Interests", с. 42.

⁶ Freedom House, Freedom on the Net, Country Report: Uzbekistan [«Свобода интернета. Доклад по стране: Узбекистан»], 2016 г., <https://freedomhouse.org/report/freedom-net/2016/uzbekistan>

⁷ Privacy International, Eight Things We Know So Far from the Hacking Team Hack [«Восемь вещей, стали известны после взлома Hacking Team»], 9 июля 2015 г., <https://www.privacyinternational.org/node/619>; The Guardian, Hacking Team hacked: firm

государственным органам заражать телефон или компьютер объекта слежки вирусом и получать доступ ко всему содержимому устройства, а также перехватывать коммуникации, следить за местоположением, удалённо активировать и отслеживать микрофон и камеру устройства⁸.

2.2 Роль телекоммуникационных компаний

Слежке в Узбекистане способствуют частные телекоммуникационные компании, от которых власти Узбекистана требуют предоставления прямого удалённого доступа к их сетям.

Как указано в Руководящих принципах предпринимательской деятельности в аспекте прав человека ООН (РПООН), компании несут ответственность за соблюдение прав человека, в какой бы стране мира они ни работали. РПООН требуют, чтобы компании предпринимали активные шаги для того, чтобы в любой стране мира их деятельность не нарушала права человека и не содействовала их нарушению; компании обязаны также реагировать на подобные нарушения в случае, если они происходят. Для выполнения своих обязанностей предприятиям следует обеспечить должную заботу о правах человека в целях «выявления, предотвращения, смягчения последствий и представления отчётности о том, каким образом они устраняют оказываемое ими воздействие на права человека». Ответственность корпораций за соблюдение прав человека существует независимо от способности или желания государства выполнять свои собственные обязательства в области прав человека и помимо национальных законов и положений, защищающих права человека. В частности, в пособии по толкованию к РПООН особо отмечается, что компания может способствовать нарушению прав человека, если она «предоставляет данные о пользователях интернет-сервисов правительству, которое в нарушение прав человека использует эти данные для слежки и судебного преследования политических оппонентов»⁹.

В январе 2017 года Amnesty International отправила запрос двум главным частным операторам мобильной связи, действующим в Узбекистане: UCell, дочерней компании шведской Telia, и Beeline (Unitel), дочерней компании голландской Veon (бывшей VimpelCom), а также их материнским компаниям за рубежом; организация спрашивала, какие именно шаги были предприняты для того, чтобы выявить, предотвратить и смягчить риски в области соблюдения прав человека, связанные с их деятельностью (или с деятельностью их дочерних компаний).

UCell и Beeline на запрос не ответили.

Veon в ответ на запрос Amnesty International не указал конкретных мер, предпринимаемых компанией для предотвращения или смягчения рисков для прав человека, возникающих в результате деятельности компании в Узбекистане. Компания ограничилась общими замечаниями о том, что она подписала Глобальный договор ООН¹⁰ и публикует ежегодный отчёт о корпоративной ответственности. Реакция компании на запрос, а также её ежегодные отчёты подтверждают, что она работает в странах, где власти требуют прямого доступа к сетям компаний и запрещают раскрывать информацию о характере или масштабе доступа к базам данных¹¹.

Telia сообщила Amnesty International, что компания неоднократно публично заявляла, что прямой доступ правительств к сетям компаний наносит ущерб свободе выражения мнений¹². Она регулярно публикует отчёты об обеспечении прозрачности, в которых документально фиксируются случаи запросов правоохранительных органов о предоставлении данных, а в странах, где это невозможно (где правительство имеет прямой доступ к сетям), публикует сведения о национальном законодательстве, имеющем отношение к доступу правительства к сетям¹³. В рамках объявленного ею намерения уйти с рынков Центральной Азии, Telia

sold spying tools to repressive regimes, documents claim [«Взлом Hacking Team: из документов следует, что компания продавала шпионские системы репрессивным режимам»], <https://www.theguardian.com/technology/2015/jul/06/hacking-team-hacked-firm-sold-spying-tools-to-repressive-regimes-documents-claim>

⁸ <http://www.computerworld.com/article/2851498/detekt-tool-finds-the-hacking-teams-secret-surveillance-malware-on-pc.html>

⁹ Управление Верховного комиссара ООН по правам человека, «Ответственность корпораций за соблюдение прав человека: пособие по толкованию», стр. 17 http://www.ohchr.org/Documents/Publications/HR.PUB.12.2_En.pdf.

¹⁰ <https://www.unglobalcompact.org/>

¹¹ <https://www.vimpelcom.com/Global/Files/Responsibility%202016/2015%20Corporate%20Responsibility%20Report.pdf>

¹² См., в частности, http://www.teliacompany.com/globalassets/telia-company/documents/about-telia-company/public-policy/telia-company_group-policy_freedom-of-expression-in-telecommunications.pdf, <https://www.freedomonlinecoalition.com/how-we-work/working-groups/working-group-2/direct-access-systems/> и <http://www.teliacompany.com/en/newsroom/news/news/news-articles/2016/respecting-freedom-of-expression--telia-company-view-on-changes-of-law-on-electronic-communications-in-lithania/>.

¹³ См., например, http://www.teliacompany.com/globalassets/telia-company/documents/about-telia-company/ledr_oct2016_final.pdf

опубликовала оценку риска нарушения прав человека, где признаются риски, связанные с существованием СОРМ¹⁴, и внедряет систему для отслеживания – и, где это возможно, обнаружения – необычных запросов о предоставлении данных. Подобные шаги со стороны оператора связи, позволяющие выявлять риски, связанные с соблюдением прав человека, достойны всяческого одобрения; остаётся надеяться, что со временем они сыграют свою роль в предотвращении таких проблемных явлений, как прямой доступ. Однако в краткосрочной перспективе они не кажутся достаточными для предотвращения или смягчения рисков в области прав человека, связанных с деятельностью дочерней компании Telia в Узбекистане.

2.3 Права человека на территории Узбекистана: атмосфера страха

Amnesty International документирует серьёзные нарушения прав человека в Узбекистане, включая повсеместно применяемые силовиками пытки и произвольные задержания¹⁵.

Пытки и жестокое обращение уже давно стали отличительной чертой системы уголовного правосудия Узбекистана и основным способом, которым власти страны разбираются с инакомыслящими, борются с реальными и предполагаемыми угрозами национальной безопасности и подавляют политических оппонентов. Силовики регулярно применяют пытки и угрозы пыток, чтобы выбивать признания и показания против других людей; наказывать задержанных, заключённых и их родственников; вымогать деньги¹⁶.

Правозащитники, критики властей и независимые журналисты вынуждены уезжать из Узбекистана, чтобы избежать ареста, постоянных преследований и запугивания со стороны силовых ведомств и местных властей. За теми немногими, кто остался в стране, постоянно следят правоохранители в форме и в штатском. Правозащитников и журналистов вызывают на допросы в местные отделения милиции, сажают под домашний арест, лишают возможности встречаться с иностранными дипломатами и делегациями и ходить на мирные демонстрации. Их часто задерживают и избивают сотрудники правоохранительных органов, на них нападают люди, предположительно работающие на силовые структуры¹⁷.

В национальных СМИ регулярно выходят передачи и статьи, в которых обвиняют в предательстве и поносят независимых журналистов и международные сети, где они работают. На государственных и подконтрольных властям сайтах и в печати постоянно разворачиваются массированные кампании против правозащитников, действующих внутри страны и за границей, и их родственников¹⁸.

В Узбекистане общепринятой и повсеместной является практика, когда местные власти, милиция и Служба национальной безопасности (СНБ) притесняют и запугивают родственников, чтобы заставить их раскрыть местонахождение подозреваемого либо вынудить самого подозреваемого сдать милиции или СНБ, подписать «признание», оговорить других людей, забрать жалобу или дать взятку¹⁹.

¹⁴ <http://www.teliacompany.com/globalassets/telia-company/documents/about-telia-company/bsr-telia-company-hria-summary.pdf>

¹⁵ «Тайны и ложь. Признания, полученные под пытками в Узбекистане», EUR 62/1086/2015, <https://amnesty.org.ru/pdf/uzbekistan-report-2015.pdf>

¹⁶ Amnesty International, «Напрямую к пыткам: похищения и принудительные возвращения из России в Узбекистан», EUR 62/3740/2016, <https://amnesty.org.ru/pdf/UZbrief2016RUS.pdf>

¹⁷ Материалы, подготовленные Amnesty International для Комитета ООН по правам человека, http://tbinternet.ohchr.org/Treaties/CCPR/Shared%20Documents/USB/INT_CCPR_ICO_UZB_17734_E.doc

¹⁸ Материалы, подготовленные Amnesty International для Комитета ООН по правам человека, http://tbinternet.ohchr.org/Treaties/CCPR/Shared%20Documents/USB/INT_CCPR_ICO_UZB_17734_E.doc

¹⁹ Amnesty International, «Напрямую к пыткам: похищения и принудительные возвращения из России в Узбекистан», EUR 62/3740/2016, <https://amnesty.org.ru/pdf/UZbrief2016RUS.pdf>

Силовики часто избивают родственников подозреваемых, угрожают им изнасилованием и убийством детей, подвергают сексуальным унижениям, постоянно вызывают на допросы либо заставляют махаллинские (квартальные) комитеты выгонять их из дома, а работодателей — с работы. Для того чтобы выследить и добиться осуждения подозреваемого, они без колебаний прибегают к физическому и психологическому насилию, которые расцениваются как пытки и жестокое обращение²⁰.

Бывший президент Каримов прямо одобрял такую практику применительно к родственникам так называемых «исламистских фундаменталистов»²¹.

С 2014 года в стране законодательно закреплено ведение реестров лиц, склонных к совершению правонарушений. За такими людьми следят махаллинские комитеты и силовые структуры²².

В подобной обстановке чрезвычайно трудно заниматься правозащитной работой. Комитет ООН по правам человека выражал озабоченность «в связи с систематическими сообщениями о притеснениях, слежке, произвольных арестах и задержаниях, пытках и жестоком обращении со стороны сотрудников правоохранительных органов и преследовании по сфабрикованным обвинениям в отношении независимых журналистов, критиков правительства и диссидентов, правозащитников и других активистов в отместку за их работу»²³.

²⁰ Amnesty International, «Напрямую к пыткам: похищения и принудительные возвращения из России в Узбекистан», EUR 62/3740/2016, <https://amnesty.org.ru/pdf/UZbrief2016RUS.pdf>

²¹ «Тайны и ложь. Признания, полученные под пытками в Узбекистане», EUR 62/1086/2015, <https://amnesty.org.ru/pdf/uzbekistan-report-2015.pdf>

²² «Тайны и ложь. Признания, полученные под пытками в Узбекистане», EUR 62/1086/2015, <https://amnesty.org.ru/pdf/uzbekistan-report-2015.pdf>

²³ Комитет ООН по правам человека, Заключительные замечания по четвертому периодическому докладу Узбекистана, 2015 г., CCPR/C/UZB/CO/4, п. 23.

3. Дмитрий Тихонов: вынужденная эмиграция из-за взлома

электронной ПОЧТЫ

«В Узбекистане стало на одного правозащитника меньше. [...] Мне пришлось уехать с родины, и никто за это не ответит».

Дмитрий Тихонов

До недавнего времени правозащитник Дмитрий Тихонов работал в Узбекистане. В 2015 году он занимался проектом по документированию принудительного труда, в том числе детского, на сборе хлопка. И узбекистанские, и международные правозащитные организации постоянно сообщают о применении принудительного труда, в том числе детского²⁴. Хлопковая отрасль

²⁴ Узбекистан занимает четвертое место в мире по экспорту хлопка. Международные организации обвиняли власти страны в том, что в хлопководстве постоянно и массово применяется принудительный труд. По их оценкам, для того чтобы выполнить ежегодные нормативы, задаваемые центральным правительством, местные власти заставляют выходить на хлопковые поля более миллиона бюджетников. См., например, <http://www.cottoncampaign.org/>; <http://www.globallslaveryindex.org/country/uzbekistan/> и <https://www.hrw.org/ru/news/2013/01/26/248728>

приносит в Узбекистане миллиарды долларов и контролируется тонкой прослойкой элиты, связанной с правительством²⁵.

Понимая важность конфиденциальности в своей работе, Дмитрий принимал меры по защите от слежки, чтобы не раскрыть личность и не поставить под угрозу людей, с которыми он работал и беседовал.

«В качестве правозащитника я много лет следил за ситуацией с принудительным трудом (детским и взрослым) на производстве хлопка в Узбекистане [...]»

Я старался не упоминать личные данные конкретных людей. Никогда не расспрашивал, через что человеку пришлось пройти, что с ним произошло. Мы только договаривались, когда и где встречаемся. Иногда намекали на возможные темы будущего разговора. И всё. Все подробности обсуждались только лично.

Это вопрос безопасности тех людей, которые сообщают информацию»²⁶.

Примерно с сентября 2015 года у Дмитрия Тихонова появились новые проблемы с властями: его начали вызывать в милицию из-за того, что он документировал условия труда в хлопковой отрасли. Он заподозрил, что за ним установили наблюдение. Затем из его личного хранилища Google Drive было украдено и выложено в публичный доступ видео, которое он записывал в рамках своей работы. В результате против него возбудили административное дело.

«Когда я понял, что за мной следят, то уехал в другой город. Я решил переждать там, осознав, что всё серьёзно. Спустя несколько дней (я уехал 30 сентября, а это была уже середина октября) на одном сайте появилась статья, порочащая мою репутацию. В статье говорилось, что я мошенник, крадущий деньги у компаний, и что я незаконно выложил видеозаписи нескольких женщин.

[...] Я понял, что вся информация взята из моей электронной почты, потому что её не было в открытом доступе. Я не публиковал этих данных, и было невозможно, чтобы они где-то появились. Я понял, что мою электронную почту взломали, вся информация оттуда украдена и используется против меня.

Всё это произошло потому, что информацию украли из интернета. Мою информацию.

Потом против меня завели два административных дела. Второе дело основывалось на видео, которое я хранил на своём гугл-диске, под своим почтовым аккаунтом. Забрали видео, выложили на YouTube и на том самом сайте. Потом показали его женщинам, которые были на видео, и сказали им, что это Тихонов опубликовал на YouTube без их согласия.

Завели административное дело. Но я не выкладывал это видео в интернет. Оно вообще было не для публикации. Не подразумевалось никакой публичности»²⁷.

Вскоре на Дмитрия было заведено три административных дела, включая это. Он снова начал скрываться и вернулся лишь тогда, когда до него дошли известия о пожаре его дома.

«Я уехал в другой город и выключил все свои мобильные телефоны. Вытащил аккумуляторы и СИМ-карты, хранил всё по отдельности. Я полностью перестал пользоваться телефонами. Знаете, телефоны используются для GPRS-навигации, и местоположение человека можно установить по телефонному звонку. Я раздобыл другой телефон и пользовался им.

Чтобы меня не нашли, я полностью прекратил общаться с теми, кто меня хорошо знал: со своими друзьями и кругом знакомых, через контакты с которыми меня могли обнаружить.

Я вообще не связывался с внешним миром до тех пор, пока не узнал, что мой дом сожгли.

[...] 20 октября мой дом сгорел. Я узнал об этом дней через пять. Приехал туда 27 октября. В доме были деньги, документы, и мне было важно попытаться спасти хоть что-нибудь.

²⁵ «Тайны и ложь. Признания, полученные под пытками в Узбекистане», EUR 62/1086/2015, <https://amnesty.org.ru/pdf/uzbekistan-report-2015.pdf>

²⁶ Интервью Amnesty International с Дмитрием Тихоновым, 2016 г.

²⁷ Интервью Amnesty International с Дмитрием Тихоновым, 2016 г.

Я обнаружил там кое-что: удалось найти два документа, но деньги и большая часть имущества сгорели. Только две сумки вещей уцелели. Всё остальное пропало. Всё сгорело»²⁸.

↓ Дмитрий Тихонов осматривает то, что осталось от его сгоревшего дома (фото: Узбекско-германский форум по правам человека).

Дмитрий снова уехал из города, но скоро проблемы с законом стали настолько серьезными, что их невозможно было дальше игнорировать, и ему пришлось бежать из Узбекистана.

«Потом я опять уехал, скрывался. Милиция схватила меня 17 декабря прямо в городе. В тот же день состоялось судебное заседание по одному из организованных против меня дел [...] Через три дня в интернете, на сайте Zamandosh, появилась статья. В ней говорилось, что я связан с террористической организацией. Написали, что соседи видели в моём сгоревшем доме какие-то инструкции по изготовлению взрывного устройства и передали их автору статьи.

Я понял, что всё одно к одному. Три административных дела равноценны уголовному делу; это тюремный срок.

Представляете себе, что значит тюрьма для правозащитника.

Потом была публикация, где меня называли террористом, а за такое преступление дают до 15–20 лет. Если тебя доставят в отделение милиции, там всё подпишешь, когда подвешат к потолку и начнут бить дубинками. Вот так. Я понял, что надо уезжать.

В Узбекистане стало на одного правозащитника меньше (ведь я здесь), в Узбекистане стало на одного журналиста меньше (ведь я в другой стране). Мне пришлось уехать с родины, и никто за это не ответит. Все понимают, кто виноват, но привлечь к ответственности кого-либо невозможно. А значит, то же самое будет происходить с другими людьми»²⁹.

²⁸ Интервью Amnesty International с Дмитрием Тихоновым, 2016 г.

²⁹ Интервью Amnesty International с Дмитрием Тихоновым, 2016 г.

4. Не звони домой: из-за слежки беженцы не общаются с родными

Повальный страх перед слежкой заставляет многих просителей убежища и беженцев из Узбекистана отказываться от контактов с родными, живущими в Узбекистане: они боятся, что из-за их телефонного звонка (или другого сообщения) родственников начнут допрашивать, притеснять и даже задерживать и возбуждать против них дела. Невозможность оставаться на связи с близкими в Узбекистане особенно болезненно воспринимается беженцами, пытающимися начать новую жизнь в другой стране.

«Дилшод»³⁰

Дилшод (псевдоним) — беженец, живущий в Швеции, оппозиционер.

«В Узбекистане все знают, что государственные органы следят за коммуникациями.

Следят за обычными разговорами простых людей.

Если мы позвоним родственникам, друзьям, близким, мы знаем, что всё это слушают.

Нам [живущим в Швеции] ничего не грозит, но если мы позвоним им, у них [наших родственников] будут неприятности.

Например, многие из моих родных и друзей не хотят говорить со мной. Причина заключается в том, что если мы поговорим, в тот же день или на завтра придёт милиция, спецслужбы или кто-то из местной администрации и начнёт расспрашивать, о чём мы говорили. Это притом, что наш разговор уже записан и прослушан. Приходят и допрашивают просто для того, чтобы прессовать и запугивать людей, с которыми мы разговариваем. Приходят не поодиночке, а с парой милиционеров.

Следят не только за мобильными, но и за стационарными телефонами. Не только за телефонами, но и за компьютерами. Если письмо написать, за этим тоже следят, за всем следят.

Причина, по которой они [родственники] боятся, заключается в том, что раз в месяц-два к ним приходят из спецслужб, допрашивают и заставляют дать расписку о понимании³¹.

Потому-то, чтобы не беспокоить их и не доставлять неприятности, я и не звоню родным часто.

Ведь говоря по телефону, я неизбежно скажу что-то, что не надо.

Даже самые близкие мне люди боятся контактировать со мной.

Стоит им поговорить или связаться со мной, им тут же присылают письмо из махаллинского [квартирного] комитета, милиции или прокуратуры.

У меня была тётя, очень близкий мне человек. Она тяжело болела. Я разыскал её телефон и хотел спросить, как она, до того как она умерла. Как только я позвонил, милиция или кто там следит, они нашли её дом и пришли к ней.

Ей сказали: ты говорила в такое-то время по телефону и такой-то человек звонил тебе. Кто он? Хотя знали же меня и мой номер.

Чтобы запугать, допрашивать явились сразу несколько человек, по-серьёзному, зло так. Мог бы прийти один человек и задать вопросы, но пришли сразу с несколькими милиционерами.

³⁰ Ненастоящее имя.

³¹ Расписка в понимании сути разговора между ними и представителями спецслужб.

Когда пришла милиция, никогда раньше к [родственникам] так много милиционеров приходило. В селе как увидели, что в дом явилось столько милиции, начались сплетни, а семья тёти перепугалась. Их же никогда раньше милиция не допрашивала.

Два года назад тёти не стало. После того как я им позвонил и пришла милиция, мои двоюродные братья [сыновья покойной тёти] испугались. Позвонили моему племяннику и другой родне, стали спрашивать, кто дал мне их номер.

Даже моя собственная сестра отключила номер и не хочет общаться со мной»³².

Надежда Атаева

Надежда Атаева возглавляет ассоциацию «Права человека в Центральной Азии». С 2006 года она живёт во Франции. Деятельность по защите прав человека в Узбекистане стоила ей возможности общаться с оставшимися в Узбекистане родственниками.

«Телефоны моих родных прослушиваются с тех пор, как мы уехали из страны почти 17 лет назад. Остальные политические иммигранты находятся в такой же ситуации.

Моих родственников много раз вызывали на допросы, пытались заставить их высказаться против нас. Их расспрашивали, о чём мы говорили по телефону.

[От родных требовали] подать заявления, в которых говорилось бы, что они больше не считают меня роднёй, что они не хотят общаться со мной, что я плохой, опасный человек. Вот поэтому они и отказываются общаться со мной.

Я лично вообще не звонила им все эти 17 лет. Мой отец звонил. Он единственный, кто с ними общается.

Видите ли, когда люди связаны семейными узами, чувство ответственности и чувство вины смешиваются. Когда люди хотят быть вместе, встречаться и не имеют такого права, это очень сильно давит. Очень тяжело.

Всегда тяжело осознавать, как опасно там [в Узбекистане] для другого человека, и разделяет нас не только расстояние. Часто чувствуешь себя беспомощным, беззащитным. Нет ни малейшей возможности помочь тем, кто тебе дорог. Тяжело. Вот почему у многих политических иммигрантов начинаются разные проблемы с сердцем. Это от эмоционального напряжения. Чувство вины и отчаяние разрушают здоровье и портят характер»³³.

³² Интервью Amnesty International с «Дилшодом» [псевдоним], Швеция, 2016 г.

³³ Интервью Amnesty International с Надеждой Атаевой, Ле-Ман, Франция, 2016 г.

Гуласал Камолова

Журналистка Гуласал Камолова бежала из Узбекистана в 2015 году, после того как ей начали поступать угрозы в связи с её журналистской работой для независимого информационного сайта Uznews (см. ниже). Сейчас она живёт во Франции.

«Я нахожусь во Франции уже 11 месяцев, и всё это время спецслужбы Узбекистана мечтают найти мой номер, мой французский мобильный номер. Ни разу за всё это время, за все 11 месяцев, я не позвонила в Узбекистан.

Я избегаю телефонных контактов. В Узбекистане осталось лишь несколько людей, с которыми я общаюсь. Я не общаюсь с родственниками, я общаюсь со знакомыми. Но только по интернету.

Потому что всех тех, с кем я близко дружила в Узбекистане, уже нашли и начали требовать с них мой номер. И очень удивились: как это я не общаюсь с ними? А я и правда не общаюсь. Я об этом узнала. Конечно, находясь здесь, я бы только доставила им неприятности. Тех, кто остались там, моих близких, с которыми у меня вообще никаких контактов, насколько я знаю, постоянно осаждают расспросами про мой телефон и про то, как найти меня. И это всё происходит уже 11 месяцев.

Когда мне сказали: «Ты теперь в безопасности, во Франции», — я ответила: «Я не чувствую себя в безопасности, даже в Европе». У меня есть на то причины. Во время одной из бесед со спецслужбами [сотрудником в Узбекистане], мне сказали: «Где бы ты ни была, мы найдём тебя везде».

Это прямая угроза.

И знаете, почему я рассказываю об этом открыто? Потому что на самом деле я не боюсь. Мне нечего терять, кроме моей работы, а моя работа тут, я продолжаю работать. Я рада, что могу писать, говорить свободно, рассказывать о вещах, которые, по моему мнению, стоит рассказывать. Думаю, это мой ответ на все угрозы и преследования спецслужб Узбекистана. Я не боюсь, хотя понимаю, что они тут рядом. Я не чувствую себя в безопасности, но я не боюсь»³⁴.

³⁴ Интервью Amnesty International с Гуласал Камоловой, Париж, Франция, 2016 г.

5. Uznews.net: журналистика и частная жизнь ВО

ВЗАИМОСВЯЗАННОМ мире

5.1 Взлом электронной почты в Берлине

«Было понятно, что за всем этим стоит желание закрыть нас, заставить меня прекратить заниматься журналистикой».

Галима Бухарбаева

Почти десять лет Галима Бухарбаева была редактором сайта Uznews.net — одного из немногих интернет-источников независимых новостей об Узбекистане. Галима уехала из Узбекистана в

2005 году после массовых убийств в Андижане³⁵ и начала вести свой сайт уже за границей. В последнее время она живёт в Берлине (Германия). Работа из-за границы обеспечила ей некоторую защиту от репрессивной правовой среды, в которой существует журналистика в Узбекистане.

Всё изменилось в ноябре 2014 года, когда она обнаружила, что её электронную почту взломали.

«Я проснулась и узнала, что мою электронную почту взломали, всю переписку выложили в интернет, и она стала достоянием всего мира.

Хуже всего было, что хакеры атаковали не меня как человека, а ту работу, которой я занималась. Было опубликовано огромное количество информации о моей организации, об Uznews — моей информационной платформе. Было понятно, что за всем этим стоит желание закрыть нас, заставить меня прекратить заниматься журналистикой.

[Хакеры] прислали мне ссылку. Я посмотрела письмо, перешла по ссылке и была совершенно шокирована и ошарашена. Я поняла: то, что у них есть, — настоящее, из моей почты, и это серьёзно.

Было шоком внезапно осознать, оказаться в ситуации, когда до тебя могут добраться, где бы ты ни находился. Сейчас я в Берлине, но им удалось взломать мою электронную почту и проникнуть на мою личную территорию»³⁶.

Галима пала жертвой фишинга: при атаках такого типа человека обманом подталкивают к тому, чтобы ввести свой логин и пароль на сайте, который контролируется злоумышленниками, после чего они могут получить доступ к его аккаунту. Часто такие фальшивые сайты почти неотличимы от настоящих, которые они имитируют.

Перед этим Галиму преследовали в интернете неизвестные: чаще всего ей присылали ссылки на сайты, где были выложены порнографические изображения с приделанной к ним головой Галимы. Подобные нападки не только оказывали психологическое давление на Галиму. Из-за них фишинговое сообщение якобы от Google, что её аккаунт используется для распространения незаконной порнографии, показалось вполне достоверным.

«На самом деле понятно, как они подобрались ко мне. Перед этим кто-то (не знаю, кто) дважды создавал порностраницу, используя мои фотографии, находящиеся в открытом доступе. Они создали страницу в российской соцсети, а мне прислали ссылку с вопросом: «Галима, это твоя страница?»

Открываешь и видишь там своё фото, а потом листаешь дальше, и там настоящая порнография.

Чуть позже ещё один случай, уже с другой российской сетью. Опять совершенно омерзительная страница со всеми моими данными, с верной информацией обо мне.

А потом получаю сообщение от Google, где говорится, что с моего почтового аккаунта идёт распространение порнографии. С теми мерзкими порнографическими фотографиями всё произошло буквально только что, поэтому я прошла по ссылке и подтвердила, что почтовый аккаунт мой, и что я не распространяю порнографию и всё такое... А это оказался фишинг.

Письмо выглядело как настоящее, от Google, почти точная копия во всём, кроме адреса. На

³⁵ В 2005 году 12–13 мая вооружённые люди атаковали несколько казарм и правительственных зданий в городе Андижан на юго-востоке Узбекистана, недалеко от границы с Кыргызстаном. Они ворвались в городскую тюрьму, где освободили сотни заключённых, как ожидающих суда, так и уже осуждённых, а потом захватили областную администрацию на главной площади города и взяли нескольких заложников. С раннего утра 13 мая тысячи местных жителей, в основном безоружных, среди которых были и освобождённые заключённые, собрались на городской площади, где многие громко и открыто требовали положить конец нищете, коррупции и несправедливости. Потом, ранним вечером, сотрудники правоохранительных органов окружили демонстрантов и начали беспорядочно стрелять по толпе, убивая сотни людей, в том числе женщин и детей. Власти заявили, что этот протест был вооружённым восстанием, организованным членами запрещённой исламистской организации изнутри страны и из-за границы.

Около 500 демонстрантов, в том числе женщины, дети и десятки мужчин, которых власти обвинили в организации вооружённого восстания, бежали через границу. После этих событий правительство начало жестоко подавлять любые формы инакомыслия и пыталось пресечь распространение независимой информации об этих убийствах. Сотни демонстрантов были задержаны и, как сообщается, их пытали и применяли другие виды жестокого обращения. Свидетелей запугивали. Журналистов и правозащитников преследовали, избивали и арестовывали. Против некоторых из них были выдвинуты обвинения в тяжких уголовных преступлениях. «Тайны и ложь. Признания, полученные под пытками в Узбекистане», EUR 62/1086/2015, <https://amnesty.org.ru/pdf/uzbekistan-report-2015.pdf>

³⁶ Интервью Amnesty International с Галимой Бухарбаевой, Берлин, Германия, 2015 г.

самом деле здесь заметна определённая тактика. Тебя доводят до состояния, когда ты готов кликнуть по тому, по чему кликать не надо»³⁷.

Галима считает, что её атаковала группа из России, недовольная освещением на Uznews украинского конфликта, но доказательств у неё нет. Однако кто бы ни стоял за атакой, информация, извлечённая из почты Галимы, вскоре оказалась на узбекистанских сайтах.

5.2 Гуласал и Василий: журналисты в Узбекистане оказались в опасности

Вскоре после взлома электронной почты Галимы на сайтах, предположительно связанных с властями Узбекистана (или даже контролируемых ими), стали появляться сообщения, включавшие в себя информацию из личной почты Галимы.

До тех пор журналистам, сотрудничавшим с Uznews.net на территории Узбекистана, удавалось делать это тайно. Вообще журналистам грозит наказание за работу на зарубежные СМИ без аккредитации в Министерстве иностранных дел³⁸, которую оно редко выдаёт. Без аккредитации журналист не может декларировать доход, приносимый такой работой, а значит, платить с него налоги, что, в свою очередь, грозит возбуждением дела об уклонении от уплаты налогов.

Галима рассказывает:

«Они нашли всё. Там была куча материалов — думаю, лет за семь, в течение которых я пользовалась адресом [электронной почты]. Они изучили всё начиная с самого первого предложения, которое я сделала, оказавшись в эмиграции, в 2006 году, и заканчивая жертвователями, финансовой отчётностью, бюджетами. Начиная с первой попытки найти финансирование и заканчивая последним договором с жертвователем, который я подписала в 2013 году.

В этом не было бы никакой проблемы, будь Узбекистан демократической страной. Всё было бы открыто, публично. Но проблема в том, что я работала с журналистами, которые работали внутри Узбекистана тайно.

Самым ужасным стало то, что власти узнали их имена, настоящие имена, и получили документы, подтверждающие их связь с Uznews: финансовые отношения, договоры, паспортные данные. И это всё было выложено в интернет. Под ударом оказались люди, находившиеся внутри страны и очень, очень уязвимые из-за своей журналистской деятельности³⁹.

Поэтому когда два узбекистанских корреспондента, Гуласал Камолова и Василий Марков, увидели, что их имена начали всплывать в статьях в связи с сайтом Uznews.net, они поняли, что им грозит опасность.

³⁷ Интервью Amnesty International с Галимой Бухарбаевой, Берлин, Германия, 2015 г.

³⁸ См. раздел «Аккредитация» на сайте МИД Узбекистана http://mfa.uz/ru/press/accreditation/?sphrase_id=2564897

³⁹ Интервью Amnesty International с Галимой Бухарбаевой, Берлин, Германия, 2015 г.

«Когда мне сказали: „Ты теперь в безопасности, во Франции“, — я ответила: „Я не чувствую себя в безопасности, даже в Европе“. Я не чувствую себя в безопасности, но я не боюсь».

Гуласал Камолова

Гуласал вспоминает:

«Когда информация начала появляться на некоторых узбекистанских сайтах (квитанции о денежных переводах и всё остальное), была осень, и я находилась в Праге на стажировке.

Информация появилась в таком виде, что это было шоком для нас всех. Был момент, когда многие мои друзья сказали: „Оставайся в Праге, не надо возвращаться в Узбекистан, после того как опубликованы все эти документы“.

Узбекистанские СМИ сообщили, что произошёл взлом. О том же писали международные СМИ, освещавшие тему. Вот так мы и узнали. И мысли не было, что это мог сделать кто-то, кроме спецслужб. Это они наняли хакеров. Такое не делают просто так. Был приказ, точно»⁴⁰.

⁴⁰ Интервью Amnesty International с Гуласал Камоловой, Париж, Франция, 2016 г.

Аргумент первый. В результате фактически преступной беспечности Галимы Бухарбаевой всем, кому удалось ознакомиться с личной перепиской главного редактора сайта uznews, стали известны имена журналистов, сотрудничавших с оппозиционным изданием.

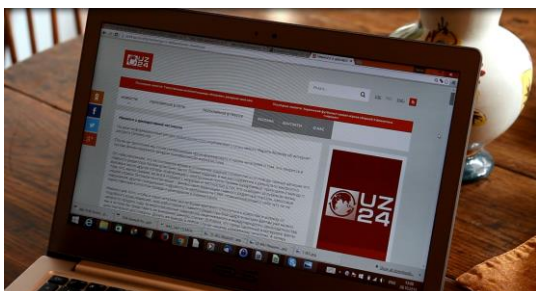
Ташкент: Алексей Волосевич, **Василий Марков**, Виктор Крымзалов, Рифат Гумеров, Павел Кравец, Саид Абдурахимов, Олег Карпов, Хуррамов Шухрат, Инна Люлько, Константин Агафонов, Гульнара Ахмедова, Шарифулина Фарида, Ольга Фазылова; Ташкентская область: **Дмитрий Тихонов**; Джизак: Абдукосим Мамарасулов, Уктам Пардаев, Зиедullo Раззаков; Фергана и Наманган; Владимир Ахунов и Аделаида Когтева; Андижан: Гарун Машуров; Самарканд: Солеҳ Яхьяев; Бухара: **Гулалас Камалова**; Кашкадарья: Гульшан Караева; Нукус: Мурад Уббиниязов; Есть в списке и лица, находящиеся в других странах, они, судя по всему ответственны за техническое обслуживание сайта и редактирование статей: Вадим Артемьяк, Инной Гадзинская, Казимиренко Яна (Украина), Кудрат Бабаджанов (Швеция), Дмитрий Аляев (Россия).

Естественно, что корреспонденты, сотрудничающие с frau Бухарбаевой на условиях абсолютной конфиденциальности, сейчас подвергаются серьезной опасности вплоть до уголовного преследования. Главный редактор сайта не исполнила свои обязательства о конфиденциальности и это её персональная вина с далеко идущими последствиями для её узбекских коллег. Предположения о том, что будет происходить в Узбекистане в журналистском сообществе, оставляю читателям.

↑ Скриншот публикации на сайте uz24.uz, который, по мнению некоторых активистов, контролируется властями. Василий Марков, Дмитрий Тихонов и Гулалас Камалова упоминаются среди журналистов, сотрудничавших с Uznews.net. Говорится, что их связь с сайтом Uznews вскрылась в результате взлома почты Галимы Бухарбаевой, и отмечается, что им может грозить уголовное преследование.

Василий тоже хорошо помнит, как он узнал о взломе:

«Я подумал, что это большая проблема, когда увидел публикацию на узбекистанском сайте UZ24.uz, потому что если узбекистанский сайт выложил такую информацию, это означает начало проблем, ведь сайт контролируется СНБ (спецслужбами). С этого дня я понял, что у меня большие неприятности»⁴¹.

После появления статей на сайтах, предположительно подконтрольных властям, Гулалас и Василий испугались, что им грозит опасность.

Обоим журналистам начали приходить угрозы. Гулалас вспоминает, в каком напряжении она жила полгода, прошедших с момента взлома электронной почты и своего возвращения из Праги до принятия решения об отъезде из Узбекистана:

«Появился этот страх. Был момент, когда я подумала, что сейчас ко мне придут и скажут: „Мы возбудили против тебя уголовное дело“, — и заберут меня. Потому что были опубликованы документы, о которых никто не знал.

Это был тяжёлый момент. Несколько месяцев сильной тревоги. Было тяжело.

Всё время пугалась каждого шороха, ночного или просто необычного, потому что казалось, что это пришли меня арестовывать. Все эти месяцы я боялась.

Документы, выложенные в интернет, свидетельствовали о том, что я без аккредитации работала в Узбекистане на иностранное СМИ (ведь сайт Uznews.net был зарегистрирован не в Узбекистане). Во-первых, работа без аккредитации. Во-вторых, неуплата налогов. Я же не

⁴¹ Интервью Amnesty International с Василием Марковым, Франция, 2016 г.

могла платить налоги, соблюдать закон. Заплати я налоги, пришлось бы объяснять, за что, какую работу делала. А без аккредитации это невозможно. Получить аккредитацию в Узбекистане нереально последние 11 лет, после андижанских событий. Просто не дают аккредитацию и всё»⁴².

«Нас могут обвинить в чём угодно. Могут обвинить в неуплате налогов, в работе без разрешения Министерства внутренних дел, в клевете [...] могло произойти что угодно».

Василий Марков

Василий тоже пережил период сильной тревоги по поводу своей безопасности:

«Сначала к нам домой, где я живу с семьёй, пришёл милиционер.

К матери приходили люди из уголовного розыска в нашем районе Ташкента. Мне пришлось прийти туда [в милицию], чтобы эти визиты к матери прекратились. Меня спросили: „А где вы работаете? На кого вы работаете? Сколько получаете? С кем дружите? Что пишете?“ И так далее. Впервые ко мне было такое внимание... Ситуация изменилась.

Было общее обвинение в уклонении от уплаты налогов. Не прямое обвинение в работе на неразрешённую в Узбекистане организацию — ведь по законам Узбекистана, каждый иностранный журналист или корреспондент иностранного СМИ должен получать разрешение в Министерстве иностранных дел. Конечно, у нас [его] не было.

Я решился (уехать из Узбекистана) спустя месяц, может, больше. После первых признаков необычного внимания.

Я не мог ждать долго, потому что я не один. У меня семья, маленькие дети. Так что я решение принял очень быстро»⁴³.

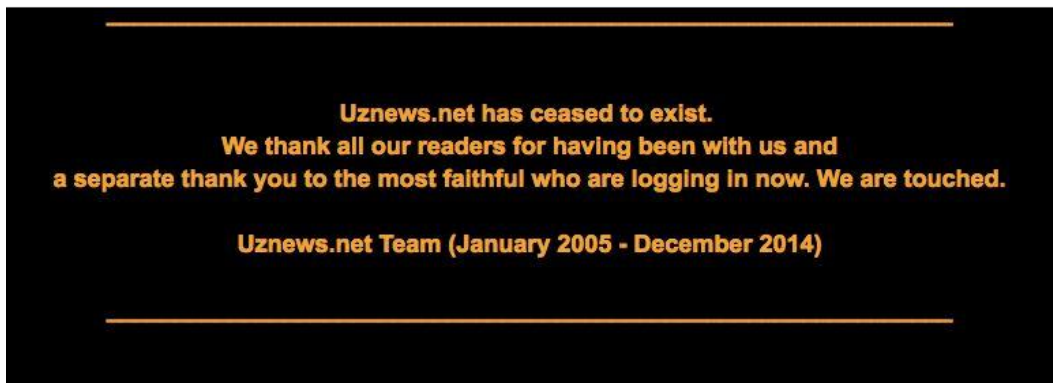
Спустя полгода после взлома электронной почты Галимы в Берлине Василию и Гуласал пришлось навсегда уехать с родины и попросить убежища за границей.

⁴² Интервью Amnesty International с Гуласал Камоловой, Париж, Франция, 2016 г.

⁴³ Интервью Amnesty International с Василием Марковым, Франция, 2016 г.

5.3 Вынужденное закрытие Uznews.net

Галиме Бухарбаевой пришлось закрыть Uznews.net. Среди прочего, это стало попыткой защитить журналистов и других сотрудников издания. Независимых источников информации об Узбекистане — и без того немногочисленных — стало ещё меньше.

↑ Сайту Uznews.net пришлось закрыться после взлома электронной почты.

Галима так рассказывает об этом:

«Решение о закрытии сайта далось мне очень нелегко. Это было моё детище, которое я создала в 2005 году в Узбекистане.

А тут внезапно нам пришлось его закрыть.

Конечно, это произошло не из-за того, что мы плохо делали журналистскую работу. Наоборот, мы поплатились за свой успех и влияние.

Было тяжело»⁴⁴.

⁴⁴ Интервью Amnesty International с Галимой Бухарбаевой, Берлин, Германия, 2015 г.

6. Рекомендации

6.1 Властям Узбекистана

- Изменить правовое регулирование слежки, в том числе закон «О телекоммуникациях» и постановление президента № ПП-513, и привести правовой режим и практику слежки в соответствие с нормами и стандартами международного права в области прав человека.
 - Реформы должны как минимум обеспечить, чтобы перехват коммуникаций и доступ к ним и связанным с ними данным осуществлялся лишь по решению суда, выдаваемому в каждом отдельном случае на основании разумных подозрений в преступной деятельности, и под независимым судебным надзором.
- Прекратить все гонения и преследования родственников людей, подозреваемых в совершении преступлений, и всех остальных лиц, разыскиваемых властями по любым причинам.
- Отменить требование о получении аккредитации независимыми журналистами, работающими на иностранные СМИ, и позволить корреспондентам работать без каких-либо правовых препятствий.

6.2 Правительствам других стран

- Не выдавать Узбекистану лицензий на технологии слежения до тех пор пока не будет изменено правовое регулирование и практика слежки в Узбекистане, и пока они не будут приведены в соответствие с нормами и стандартами международного права в области прав человека.

6.3 Телекоммуникационным компаниям

- Телекоммуникационным компаниям следует обеспечить должную заботу о правах человека в целях выявления, предотвращения, смягчения последствий и представления отчетности о воздействии, которое их деятельность (или деятельность их дочерних компаний) оказывает на права человека. В случае, если предотвратить или смягчить неблагоприятное воздействие на права человека не представляется возможным, телекоммуникационным компаниям следует рассмотреть возможность прекращения отношений, принимая во внимание достоверные свидетельства возможного неблагоприятного воздействия на права человека.

**AMNESTY
INTERNATIONAL —
ВСЕМИРНОЕ
ДВИЖЕНИЕ В ЗАЩИТУ
ПРАВ ЧЕЛОВЕКА.
КОГДА
НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ
ПРОИСХОДИТ
С ОДНИМ
ЧЕЛОВЕКОМ — ЭТО
КАСАЕТСЯ ВСЕХ НАС.**

СВЯЗАТЬСЯ С НАМИ

info@amnesty.org

+44 (0)20 7413 5500

**УЧАСТВУЙТЕ
В ОБСУЖДЕНИИ**

www.facebook.com/AmnestyGlobal

[@AmnestyOnline](https://twitter.com/AmnestyOnline)

«МЫ НАЙДЁМ ТЕБЯ ВЕЗДЕ»

ГЛОБАЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ СЛЕЖКИ В УЗБЕКИСТАНЕ

Слежка в Узбекистане способствует дальнейшему ужесточению и без того репрессивных условий, в которых находятся правозащитники, журналисты, политические активисты и другие граждане Узбекистана.

Незаконной слежке в Узбекистане способствуют технические и правовые системы, не позволяющие должным образом отслеживать злоупотребления, противоречащие международным правовым стандартам.

В самом Узбекистане действия хакеров и взломы личных баз данных могут привести к судебному преследованию и вынудить людей бежать из страны. Однако в сегодняшнем взаимосвязанном мире хакерские атаки и слежка, ведущаяся за пределами Узбекистана, может независимо от расстояния оказывать разрушительное влияние на судьбы тех, кто находится внутри страны.

И наоборот – угроза слежки за пределами Узбекистана по-прежнему оказывает давление на тех, кому удалось бежать. Опасаясь слежки, многие беженцы, находящиеся за пределами Узбекистана, боятся контактировать с родными: они боятся, что даже телефонный звонок из-за границы может спровоцировать преследования со стороны властей.

Незаконная слежка в Узбекистане разделяет семьи и попирает права на свободу выражения мнений во всём мире, а также мешает людям внутри и за пределами Узбекистана получать информацию.

